

Авторы портала
«Самарские судьбы»

МЕДИАПРОЕКТ

САМАРСКИЕ
СУДЬБЫ

Диплом

лауреата международного
творческого конкурса

«Семейная реликвия»

СЕМЕЙНАЯ
РЕЛИКВИЯ

Марат Валеев

Семейная реликвия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37397227

ISBN 9785449339379

Аннотация

У каждого человека есть семейная реликвия – редкая фотография, чьё-то бесценное письмо, автограф, фамильное серебряное кольцо, которое передается из поколения в поколение. С этими раритетами, как правило, связаны необычные, увлекательные истории. С ними мы и знакомим читателей сборника «Семейная реликвия», составленного из лучших прозаических и поэтических произведений одноименного Международного литературного конкурса популярного портала «Самарские судьбы».

Содержание

Семейная реликвия	5
Вместо предисловия	6
Номинация «Проза»	7
Победители	8
Первая премия	8
Барби	8
Вторая премия	11
Гусь лапчатый	11
Третья премия	14
«Зингер», чёрная бурёнка	15
Лауреаты	19
Царский рубль	19
Сила Евангелия	22
Чётки	26
Куртка	29
Медальон судьбы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Семейная реликвия

Редактор Марат Валеев

ISBN 978-5-4493-3937-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семейная реликвия

**Сборник произведений
по итогам одноименного конкурса
сайта «Самарские судьбы»
(июль-август 2017 года)**

**Редактор-составитель Марат Валеев,
член Союза российских писателей**

Вместо предисловия

У каждого человека есть домашняя реликвия, семейный раритет – фотография, письмо, старинная монета, автограф знаменитости, салфетка, сшитая прабабушкой или серебряное кольцо, которое передается из поколения в поколение. С этими раритетами обычно связаны необычные, увлекательные истории. С ними мы и знакомим читателей сборника «Семейная реликвия», составленного из лучших прозаических и поэтических произведений одноименного Международного литературного конкурса портала «Самарские судьбы».

Номинация «Проза»

Победители

Первая премия

Барби

Алексей Жарёнов

г. Городец, Нижегородская обл.

7 июня 1990 года моей дочке Жене исполнялось шесть лет. Накануне у меня с ней состоялся такой разговор.

– Дочур! Что тебе подарить на день рождения? – спрашивал я. – Мы поедем играть в футбол, я зайду в Горьком в большой игрушечный магазин и куплю тебе любую игрушку! Скажи, что тебе привезти?

Дочка лукаво посмотрела на меня и переспросила:

– Любую игрушку? Любую-любую?

– Ну, Жень, куплю, конечно, любую, если мне денежки позволят!

– Пап! Купи мне куклу Барби! У нас в садике одна девочка приносила! Барби такая красивая! И у неё и ручки и ножки гнутся! А одежды сколько у неё!

– Барби? Гм.... Ну, я посмотрю! Если денежек хватит, то

куплю, конечно, её! Ну, а если нет, то, может, какую-нибудь другую игрушку...

– Нет! Хочу Барби! У меня много всяких кукол, а такой нет! – дочка обиженно поджала губки.

– Ну, хорошо, хорошо! Посмотрю!

И вот мы едем командой в Богородск (небольшой городок за Горьким) на очередную игру первенства области по футболу. Проезжаем наш областной центр – город Горький.

В 90-е годы только стали везде появляться ларьки, магазинчики, супермаркеты с заграничным диковинным товаром. И вот мы видим из окна автобуса красивый супермаркет.

– Александр Игнатьевич! – обращаюсь к главному тренеру. – Подождите, я в супермаркет заскочу! Куклу обещал дочке на день рождения!

– Пойдём. Я тоже с тобой прогуляюсь! – решил главный. – Так, ребята, остановка на 10—15 минут.

Зашли мы с тренером в супермаркет, и я сразу на витрине увидел роскошную куклу Барби в красивой коробке. У меня даже дыхание перехватило от удачи! Зашли, и сразу вот она – Барби! Подошёл, глянул на цену, и настроение упало. Денег у меня даже на одну четверть стоимости Барби не было!

– Ну, ты чего какой нерадостный? – главный подошёл ко мне.

– Да вон, – говорю. – Цена-то просто космическая! Не купишь!

Главный внимательно посмотрел на ценник.

– Да, дороговато заморская дива стоит!

– Пойдём, – говорю, – в автобус! Тут только одно душевное расстройство!

Вернулись мы в автобус. Я, расстроенный, плюхнулся на сиденье, а тренер так громко и говорит:

– Так, мужики, минуту внимания! Играем мы в Богородске сегодня. Ехать недалеко осталось. Сможем мы сегодня без обеда обойтись?

Все притихли.

– А что случилось-то? – спросил кто-то из ребят.

– Да, вот у дочки Алексея завтра день рождения! Он ей куклу наобещал, а денег не хватает! Выручим парня?

– Да без вопросов! Конечно! Раз такое дело! – зашумели ребята.

И мы сходили и купили куклу Барби. Тренер отдал мне деньги, которые выдали ему на питание команды! В автобусе все футболисты подарок одобрили.

Игру мы ту выиграла. Домой я приехал поздно. Дочка не спала, меня дождалась. Я не стал тянуть с подарком до следующего дня, достал Барби из своей спортивной сумки и вручил куклу дочке! Видели бы вы её счастливые глаза!

– Настоящая... – только и прошептала она.

Спать дочка легла, конечно, с Барби. И много-много дней потом не выпускала из рук любимую куклу!

Все домашние – бабушки и дедушки, брат и его жена –

одобрили подарок! Недовольной осталась одна жена, с которой мы потом две недели не разговаривали. Цена куклы её поразила. В подарок футболистов она не поверила, посчитала, что я утаиваю от неё деньги. Впрочем, она всегда была жадной, поэтому потом, прожив 12 лет, мы развелись.

Сейчас моей дочери 33 года. Кукла Барби – наша семейная реликвия – в превосходном состоянии. Внуку Ванюшке до Барби нет дела, его интересуют машины. Но какие ещё у дочери годы? Возможно, у нее появится ещё и дочка, и тогда красивая Барби снова будет любимой игрушкой!

Вторая премия

Гусь лапчатый

Татьяна Ларченко

г. Измаил, Одесская обл., Украина

Привет, папа! Ничего, что я к тебе обращаюсь так, «по-французски», с ударением на последнем слоге? У меня нет должного навыка: это слово мне ни разу не пригодилось, так и пролежало в коробке, словно случайно купленные туфли не своего размера. Я вообще долго была уверена, что ребенку достаточно одного родителя, матери, а отец – это необязательный фрагмент организма, наподобие слепой кишки.

У иных моих подружек отцы выпивали и сквернословили, от них несло табаком, а от моей бабушки – мятой и ладаном. «Жили у бабуси два веселых гуся...», напевала она, и, совершенно обоснованно. У нее тоже жили «два гуся»: один беленький, веселый, это я, другой серый, фарфоровый, на полке серванта. Бабушка меня холила, покупала халву, газводу и пирожные. Когда у меня случалась ангина, поила подогретым с сахаром вином. Разметавшись на красных мишках ватного одеяла, я уплывала в сладкий оздоровительный сон. И зачем мне нужен был какой-то там отец, если я опиралась на женские плечи, самые надежные?

Иногда меня наряжали, вели в фотоателье, ставили на стул и требовали не моргать и улыбаться. Однако с фотокарточки неизменно глядела насупленная, со сжатыми кулачками, особа, уязвленная посяганиями на свободу личности... Бабушка тут же рассылала снимки родне с надписью «На долгую добрую память». Тебе ничего не отправляли, точно знаю. Да и от тебя, получается, осталась только холодная неодушевленная птичка. Странно, правда? Представления о тебе нет, а «память» есть. Долгая и недобрая...

Лет в четырнадцать мне все же захотелось узнать о тебе побольше, и я принялась рыть под мамино спокойствие. Я уже осознавала, что отцы бывают разные, в том числе и «гуся лапчатые», те, что раз и навсегда отторгают ненужное – своих детей. А глупое «ненужное», войдя в подростковый период и даже уже выйдя из него, «буравит» почву с остерве-

нелостью черного археолога, ища доказательства своей востребованности...

Мама тогда, в момент «воспаления» моего любопытства, кивнула в сторону серванта: «Вон, любуйся!» Когда сувенир уронили и отбили хвост, я хотела его выбросить, но мои домашние искусно склеили черепки – в месте соединения пробежала слегка заметная темная змейка, и водрузили на место.

Ты думаешь, твой гусь – единственная реликвия в доме? Бабушкин резной буфет, иконы, лубочные картинки и тарелки с ярмарок начала прошлого века – все это повесомее будет. Еще среди моих важных бумаг лежит желтый корешок почтового перевода. От дяди Коли. Мы совсем недолго жили вместе, и я опять не успела как следует примериться к слову «папа». Но успела глотнуть его отеческой заботы. Он был большим начальником с черным телефоном на письменном столе. Мне позволяли поднимать трубку, вслушиваться в ее беспокойное, зуммирующее пространство и кричать неврастенически-задорно кому-то невидимому «але!»... Дядя Коля готовил для меня яичницу, чем я с восторгом хвалилась в детсаду, научил рисовать цветки и домики, залатал лопнувший надувной круг...

Потом они с мамой «разбежались». Взрослые люди, как видим, иногда почище детей коленца выкидывают. Вокзал, холодная курица в буфете, оттопыренные кармашки моего пальто (дядя Коля набил их конфетами «Белочка») ... Про-

вожающих попросили покинуть вагон, и дядя Коля покинул. С перрона он махал нам вслед своей интеллигентной серой шляпой. Знать бы, что больше не увидимся... Правда, очень скоро мое коротенькое прошлое отодвинулось куда-то далеко, унеся с собою забытые образы. А он... Я уже в школу ходила, и все денежные переводы ко дню рождения получала. И, наверное, дело было вовсе не в его большой зарплате...

Знаешь, папа (с «французским» ударением), я, пожалуй, ничего о себе нынешней не буду рассказывать. Разве что упомяну о том, что, подобно тебе, тяготею к творчеству. У меня неплохо выходят пейзажи. Хотя склоняюсь к мысли, эти способности – от дяди Коли, от тех первых лепестков и домиков, которые он научил меня старательно вырисовывать. Он поставил мне руку...

...Это письмо я никуда не отправлю. Мои монологи – для внутреннего пользования. Я примирилась с неизбежным, но в душе в месте «склейки» притаилась, как у фарфорового гуся, темная змейка – обиды. Не понимаю, зачем я храню его...

Третья премия

«Зингер», чёрная бурёнка

Геннадий Зенков

г. Кемерово

У писательницы Лены Элтонг есть такие стихи:

зингер чёрная сестричка

позолоченная холка

домовитая москвичка

с довоенной барахолки

Это о швейной машинке «Зингер».

...замирая над стежском

слушать тайны

левитана

чуть надломленным ушком

зингер чёрная бурёнка

что – кормилица – стрекочет

фронтальная киноплёнка?..

Мне в этом стихотворении нравится то, что «Зингер» – «чёрная бурёнка», «кормилица». Так оно и было в нашей семье. В военное и послевоенное время мы жили в собственном доме на окраине небольшого городка. Отец, работая на военном заводе, мог получить «казённую» квартиру в кирпичном доме, но решил не делать этого, потому что в многоэтажном доме стрекотанье швейной машинки по ночам будоражило бы соседей. А стрекотать надо было, чтобы

прокормить шестерых детей, зарплаты не хватало.

Какое-то время у нас была настоящая Бурёнка, которая добросовестно поила нас молоком. Но добывать корма для неё стало трудно, и пришлось её продать. Кормилицей стала швейная машинка. Я потом написал:

Четвёртым был я у родителей,

За мною – пятая, шестой.

Отец днём на заводе «литерном»,

А ночью допоздна – портной...

Мой дед Ефим Петрович был хорошим портным, и часто с машинкой «Зингер» путешествовал по окрестным сёлам и деревням, обшивая местное население. Обучил ремеслу и своих сыновей – Петра, Павла, Михаила (моего отца). У них всех были «Зингеры» – очень надёжные швейные машинки, которые производились с середины XIX века в Америке, а с начала XX-го и в России, в Подольске. Названа она по имени Исаака Зингера, талантливое, интересного во всех отношениях человека: он был не только «технарём», но и путешествовал с актёрской труппой, очень любил женщин, детей – легальных и нелегальных – у него было аж 23! Он основательно улучшил существовавшую в то время швейную машинку Феллпса. Зингер не только организовал производство и продажу новых машинок, но и впервые ввёл продажу в рассрочку, потому что сначала машинки делались вручную и стоили дорого.

Машинки имели ручной, ножной, а потом и электриче-

ский привод. У нас была машинка с ножным приводом. Её корпус напоминал мне чёрную кошку, лежащую на деревянном лакированном столе. А высокие ножки из витого ажурного металла с поперечной металлической надписью SINGER между ними придавали механизму солидность, монументальность. В 2011 году благодарные швейники установили в Новосибирске памятник машинке «Зингер».

Я любил «кататься» на этой машинке: залезал под её стол, садился на широкую ножную педаль и крутил большое колесо, воображая себя шофёром.

В «нерабочее время» машинка у нас была накрыта большим покрывалом – от пыли и от посторонних глаз. Ведь кустарная деятельность в СССР была практически запрещена. По доносам к нам иногда приходила комиссия с проверкой и обыском. В таких случаях предупреждённая добрыми людьми мать спешно прятала обрезки ткани, полуготовые «изделия». Но особых строгостей к отцу не применяли. Видимо, понимали, что растить шестерых детей в то нелёгкое время – не простое дело.

Отец приходил с работы, ужинал и садился за машинку. Заказы от соседей, знакомых поступали непрерывно: то перелицевать старый костюм, то сшить новое драповое пальто, плюшевую жакетку. Отец всё умел. Мы, дети, всегда ходили в опрятной одежде. Иногда стрёкот машинки вдруг замолкал, отец ронял голову на столик. Мать упрекала:

– Да ляг ты на кровать, сосни часок, а потом работай!

Отец оправдывался:

– Да ничего. Я вздремнул минутку, и снова как свежий огурчик!

И так почти каждый вечер...

Когда отец ушёл из жизни, шить на машинке стало некому. Дети выучились, разъехались по стране. Некоторое время мать жила в доме одна. Но когда у неё отнялись ноги, её взяла к себе самая младшая дочь Любовь, а за домом стал присматривать самый младший сын Борис, вернувшийся жить на родину. Но живёт он в городской квартире, а дом со всем имуществом внутри стал, по сути, семейной реликвией вместе с машинкой «Зингер», готовой в любое время снова работать. Как в финале стихотворения Лены Элтонг:

*зингер чёрная золовка
похвались житьём чуланным
сердце ль мечется неловко
челноком снуёт – и ладно...*

Лауреаты

Царский рубль

Сергей Андреенко

г. Таганрог

«Всю жизнь провел в дороге, а умер в Таганроге», – это слова А. С. Пушкина на смерть императора Александра I Благословенного. Можно подписаться под каждым словом этой эпитафии, кроме одного – умер... В конечном счете так и произошло, но, возможно, не в то время и не в том месте. Существует легенда, по которой царь, измученный грехом отцеубийства, решил воспользоваться случаем смерти солдата из караула, телосложением похожого на него, чтобы отойти от мирской суеты. В гробу была совершена подмена царя на этого солдата, а сам император стал вести подвижническую деятельность святого странника Федора Кузьмича, объявившегося как раз в это время в Сибири. Кстати, невероятно похожого на Александра I. Так что считайте сами, правдива или нет легенда.

С именем этого императора связана еще одна таганрогская легенда. Якобы во время пешей прогулки подле городского сада Александра I застал дождь. Надо сказать, что погода в тот день была знобкая, болезнетворная. А что вы хо-

тите – середина ноября. Не самое лучшее время для поездок, разве что по государственным делам. Так вот, император остановил проезжающего извозчика с просьбой подвезти его до места. Тот подвез, но когда обнаружил, что у седока нет с собою денег – ну не пристало венценосцам напрямую общаться с презренным металлом, а кредитных карточек тогда еще не было, – извозчик потребовал в залог накидку с плеча седока. «Знаю я вас...» – бурчал он себе под нос, ожидая справедливого вознаграждения.

Надо сказать, что в то время изображения царей не были так распространены в народе, как сейчас, и извозчик просто не знал, кого подвез, посему и проявил вольность в обращении с императором. Через некоторое время – извозчик уже стал волноваться, не обманули ли его – слуга вынес серебряный рубль в оплату проезда и сказал:

Держи, дурак, рубль за привоз домой самого государя-императора. Ишь, что удумал? У покорителя Европы с плеча накидку снять! Давай ее сюда.

– Так это был сам царь-батюшка?! – ошалело произнес извозчик, отдавая залог.

– Ну дурак, какой он тебе царь. Он – император!!!

От избытка чувств извозчик так огрел свою лошаденку кнутом, что она понеслась вдоль улицы, как настоящая скаковая. И наделала бы бед, если бы не часовой из сторожевой будки. Он как молния метнулся к лошади и схватил ее за узды. Почувствовав силу, та, не сделав и двух шагов, остано-

вилаась как вкопанная.

– Тпру, анчутка, – солдат ласково бормотал что-то прямо в ухо лошади вкладывая в бормотание всю свою любовь к этим благородным животным, – тпру, окаянная, сто чертов тебе дать.

Узнав, от кого этот рубль, извозчик чуть не тронулся умом от радости, и какие бы трудные времена потом ни наступали, он не разрешал использовать монету по прямому её назначению, хранил всю свою жизнь и потомкам завещал, потому как верил, что приносит она удачу. Так что хранится сейчас в закромах одной таганрогской семьи реликвия – царский рубль.

Впрочем, почему одной? Когда я опубликовал эту байку в местной газете, то получил массу писем с откликами на нее. Но самое удивительное, что объявился владелец реликвии, да не один, а целых семнадцать! Это сколько же семей хранят аналогичные артефакты? Ведь ясно, что не все решились откликнуться на публикацию, да и мимо многих она прошла незамеченной. И что интересно, всем их реликвии, по словам владельцев, приносят удачу и позитивные перемены.

Вначале я хотел посмеяться над тем, как размножаются реликвии, приносящие успех, почкованием или как-то еще... А потом решил, если они доставляют кому-то счастье и это у них хорошо получается, то пусть размножаются дальше всеми доступным для них способами!

Ведь это так здорово – делать кого-нибудь счастливым!

Сила Евангелия

Людмила Антипова

г. Донецк, Украина

Есть вещи в нашей жизни, которые питают нас сильной энергией и мощью, влияют на нашу жизненную активность, эффективность. Как правило, это вещи с сильной родовой энергетикой.

В нашем роду есть Евангелие 1913 года издания, которое передается по женской линии. Моя прабабушка Ревенко Татьяна Васильевна имела девять детей. Времена были трудные: голод, раскулачивание, но, несмотря на это, прабабушка всем семерым выжившим детям дала в жизненную дорогу оберег. И сейчас, анализируя прожитый путь каждого из них (а все они уже пополнили ряды нашего небесного рода), я поражаюсь прозорливости матери, которая словно знала миссию каждого своего ребенка в этом мире.

Итак, своей дочери Софии (моей бабушке) мать подарила Евангелие со словами: «Ты из ада вернешься живой». Молодой Софье не хотелось думать о плохом, она поцеловала маму в знак благодарности.

Когда началась Великая Отечественная война, Ревенко Софье было 18 лет. А через два года в селе Новопетрировка Велико-Новоселковского района Донецкой области нача-

лись облавы, молодежь вывозили в Германию. Во время одной из облав была забрана и Софья. Хрупкая девчушка попала в чужой город Бреславль, ее распределили на сельскохозяйственные работы. Очень трудно было Софии выжить и сохранить человеческое достоинство. По ночам ей снилось Евангелие, которое озаряло тьму, и она шла на то свечение.

По окончании войны София Ревенко возвращалась пешком через Польшу домой. В язвах, изъеденная вшами, голодная.

Была весна. В доме сестры Ревенко устроили уборку. Мама Татьяна взяла «Сонечкино Евангелие» и задумалась. Дочери, увидев мать в таком состоянии, старались приободрить ее. Вдруг залаяла собака – все вздрогнули. Тень прислонилась к окну. В этой страшной тени узнали Софью. Плакали, смеялись, обнимались. Мать выпаивала дочь травяными отварами, свяченой водой, узваром. Ожила потихоньку София. Каждый вечер перед сном читала Евангелие...

После войны красивая молчаливая девчушка Софья вышла замуж. Встретила своего суженого – односельчанина Ивана на праздник Сретения и полюбила на всю жизнь. Евангелие она взяла с собой.

Нужно сказать, что в советские времена отрицалось существование Бога, большинство населения начало исповедовать атеизм. Но у моей бабушки в Красном углу всегда висели иконы. И при этом она никогда не говорила о своей набожности, никому не навязывала свое мнение.

Родилось у моей бабушки две дочки-погодки: Мария и Анастасия. Родители постоянно в колхозе на работе, а девчушки сами дома. И вот однажды началась в селе буря с грозой и градом. Сильнейшая молния ударила в дерево возле дома Софии и Ивана Мирошниченко. Соседи, которые смотрели в окно, замерли от страха: казалось, что молния прошла сквозь дом. И так повторилось несколько раз. Молния била в одно и то же место, словно хотела испепелить саманный домик.

Как только буря улеглась, соседи побежали проведать детей. На лежанке сидели Анастасия и Мария, а на коленях у них лежало Евангелие, которое девчата силились читать, но ничего не понимали.

Шли годы. Выросли Мария и Анастасия. Мария стала поваром и уехала в город Севастополь. Анастасия стала учителем и работала в местной школе. Жизнь Софии потихоньку налаживалась, можно было подумать о себе. Но однажды печальная телеграмма оборвала радость матери. Телеграмма из Севастополя была короткой: «Заберите свою больную дочь». Что же могло случиться? Мария всегда была энергичной, жизнерадостной, всегда следила за модой, умела шить. Когда приезжала в село, все девчата собирались вокруг нее. Мать и отец немедленно собрались в дорогу.

Мария жила в общежитии в тесной комнатухе, где, кроме нее, ютились еще пять девушек. Телеграмму дала комендант общежития. Мать с отцом не узнали дочь: она не могла

самостоятельно подниматься с постели, выглядела безжизненно. Врачи затруднялись установить диагноз. Взволнованные родители забрали дочку домой.

Шло время. Консилиумы врачей ставили противоречивые диагнозы, а дочь таяла. В результате был озвучен вывод: неизлечимая болезнь – склеродермия.

От горя и печали потихоньку ушел из жизни отец Марии – фронтовик Иван Мирошниченко, стало плохо матери. Перед смертью София передала Евангелие Анастасии с просьбой досмотреть больную сестру. Сила Евангелия помогла Анастасии справиться с жизненными трудностями, досмотреть родную сестру, вырастить своих троих детей.

Однажды ясновидящая женщина, увидев фотографию красавицы Марии, сказала: «Эту девушку отравили тяжелым металлом – танталом. Отравили из зависти, уж очень красивая». Проверить истинность слов теперь невозможно. Знаю одно: настрадалась моя бабушка. Но никогда я не видела ее злой или разгневанной, всегда молчаливая, тихая, рада помочь. Озаренная Божьим светом.

Как-то наши родственники, выдавая дочь замуж на остров Кипр, просили дать Евангелие и вывезти за границу. Но мама сказала, что семейная реликвия должна оставаться на родной земле.

Я держу в руках книгу и думаю: «Живи, наш прекрасный род, и расцветай, пусть беды и искушения обходят тебя стороной, а сила Евангелия питает внутренней энергией».

Чётки

Марат Валеев

г. Красноярск

– О, что я нашел!

Этот радостный вопль возвестил, что пока мы – дед, баба и мама с папой нашего драгоценного наследника степенно беседовали, Игорёха опять нашел для себя что-то интересное в моем кабинете. Оказалось, что в этот раз он вытащил из ящика стола чётки и сейчас с энтузиазмом вращал их на тонкой кисти своей руки, отчего косточки четок негромко и сухо пощелкивали.

– Бусы. Только они странные какие-то, не блестящие, – присмотревшись к находке, сказал Игорешка. – Некрасивые. Нет, не возьму я их.

– И правильно, – с облегчением сказал я. – Понимаешь, Игорёша, я бы их тебе пока все равно не отдал, хоть и очень тебя люблю и мне для тебя ничего не жалко.

– А почему? – обиженно надул губы внук.

– Видишь ли, эти чётки, которые ты принял за бусы, попали ко мне от моей мамы, твоей прабабушки. А ей – от её мамы, моей бабушки и твоей, получается, уже прапрабабушки. А не блестят они потому, что сделали их не из драгоценных камней или янтаря, а из обыкновенных финиковых косточек. Небогатые были мои предки, вот и смастерили чётки

из подручного материала.

Игорёшка пропустил между пальцев несколько косточек чёток и сообщил:

– Точно! Я, когда кушал финики, из них такие косточки вылазивали! Здорово! А что такое чётки, дед Марат?

Наша беседа явно заинтересовала всех находящихся в комнате: баба Света, папа Влад и мама Оксана повернулись к нам и стали внимательно слушать.

– Как бы тебе объяснить, Игорёша... Ты знаешь, что такое молитва, кто такой Бог?

– Нет, мы ему еще не рассказывали про такие вещи, – поторопилась вмешаться мама Оксана. – Ещё не время.

– А расскажите сейчас! – загорелись глаза у внука.

– О, мой юный друг, это длинная история, – вздохнул я. – Но все же, давай я тебе попробую рассказать. Тысячи лет назад, когда всем жилось ну очень тяжело – не было ни электричества, ни телевизоров и компьютеров, машин и самолетов, школ и больниц и даже нормальной еды и одежды, люди всего боялись. Они поверили, что на небесах есть такое всемогущее создание, которое может заступиться за них, дать им необходимое, если его хорошенько попросить. Но и может сильно наказать, если плохо себя вести. Это всемогущее создание называли Богом...

– Ух ты! – восхитился Игорёшка. – Я тоже хочу его кое о чём попросить...

– Подожди, ты слушай дальше. И вот самые умные из этих

людей стали придумывать молитвы – просьбы, в которых они просили Бога о важных для себя и своих родных и близких вещах. А чётки эти – от слова считать, – придумали для того, чтобы по бусинкам, камушкам или косточкам, у кого из чего были эти чётки, – откладывать, как на счётах, число прочитанных молитв, обращённых к Богу.

– Деда, а ты что, тоже молишься, если держишь чётки у себя в столе? И о чём ты просишь Бога?

– с любопытством спросил внук.

Я смешался. Что мне ответить внуку, если я в своё время был убежденным атеистом?

– Видишь ли, Игорёша, – начал я осторожно. – В наше время люди больше верят в себя, в свои силы и возможности, чем в Бога. Понимаешь, за те долгие годы, что люди молились и молятся Богу и просили его о помощи, многие из них убедились, что помогает он далеко не всем и не всегда, поэтому и стали больше полагаться на себя. И ведь достигли очень многого, вплоть до того, что стали летать на другие планеты. Я вот тоже больше верю в себя. А чётки... знаешь, зачем они мне нужны? Не только как память о предках, но и как такой инструмент, который помогает мне сосредоточиться, когда я что-то важное обдумываю и перебираю пальцами косточки. А еще это успокаивает нервную систему, так как в кончиках пальцев находится много нервных окончаний. Ну как, понял теперь, что ты за «бусы» нашел у меня в столе и зачем они мне нужны?

– Ага! – довольно кивнул вихрастой головой внук. – Это, деда... Ты дай мне, пожалуйста, чётки на два... нет, на три дня. Ну дай, я верну!

– Ладно, возьми, если, конечно, с возвратом, – поколебавшись, согласился я. – Но зачем они тебе-то?

Игорь обхватил мою шею и горячо зашептал мне в ухо:

– Собачку себе у этого... у Бога буду просить!

Так, придется собирать семейный совет и решать вопрос с собакой. Давно уже парень просит купить ему пушистого друга, а родители все откладывают! Но придётся и разъяснить парню, что к чёткам этот подарок никакого отношения не имеет. Иначе ведь потом за его желаниями не угонишься!

Куртка

Борис Вараксин

г. Москва

Из платяного шкафа на свет показалась куртка. Кожаная, лётная. Семейная реликвия. Потёртые бока... Это от тесноты в кабине. Потёртые плечи... Это от портупей. На рукаве аккуратно заштопанная дырка. Это от пули. «Мессер» зашёл... Деда тогда же списали с лётной работы, и куртка так и провисела в шкафу несколько десятилетий. Но на вид ещё ничего...

В Измайлове Ольга Сергеевна не сразу решила выставить свой товар. Даже сердце заболело. Но выхода не было:

надо было на что-то купить еду. Практически сразу подошёл покупатель. Коренастый, седовласый... Робко назвала цену. Тот не стал торговаться. Сказал лишь, что часто здесь бывает. Так что...

Она не поняла, что означали его слова. Да это было и неважно. Главное – в руках у неё настоящие, «живые» деньги. Её единственный шанс...

Потом были долгие стояния с разной мелочёвкой возле метро, в подземных переходах, в проходных различных организаций. Как ни странно, но жизнь постепенно налаживалась. Она научилась чувствовать запросы рынка, у неё обнаружилась настоящая деловая хватка. И наступил тот день, когда ей вспомнились слова первого в её жизни покупателя. Будто что-то толкнуло, и она поехала в Измайлово. Куртка... За любые деньги...

Потом она ещё не раз приезжала сюда, но тщетно. Того человека не было. Возможно, то был её ангел-хранитель, в котором она больше, увы, не нуждалась...

Медальон судьбы

Милош Вукович

г. Славонский Брод, Хорватия

Секрет прародительницы я узнал очень давно, причём совершенно случайно. По настоянию приезжих врачей, которые проводили плановый медосмотр жителей нашей дерев-

ни, я стал облучать её спальню «синей лампой» для того, чтобы убить микробы. Вот тогда я впервые и заметил оранжевое сияние, льющееся из сундука старой Йованки. Я не знал, что древний медальон, которая она прятала у себя в вещах, светится в ультрафиолетовых лучах и поначалу думал, что это какая-то магия.

Йованка всегда надевала медальон в полную луну на шею кому-нибудь из родственников. Так он и ходил с ним, не снимая, ровно семь дней. Пра-пра-прабабка сама родом из Приштины, и я думал, что ношение медальона в полнолуние – это какой-то древний сербский обряд. В медальоне нет ничего интересного: плашка неправильной формы из очень твердого белого камня, с выбитыми надписями на винчанском, самом древнем письме.

Как оказалось, бабушкину спальню я облучал совершенно напрасно: в доме, где располагается вся наша семья, никто не болеет, в какой бы комнате мы не находились. Во всяком случае, за те 154 года, что я живу в нашей деревне, я не помню, чтобы кто-то захворал. Мы живём уединённо, занимаясь выращиванием хлебных деревьев и бортничеством. Любим слушать знаменное пение, особенно кондакарный распев. У нас не деревня, а целый поселок на границе Хорватии: около пятидесяти домов и в них живут одни родственники. В нашем поселении нет кладбища, если вы понимаете, о чём я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.